

БЕРРОУЗ Э.Р.

ЛУННЫЙ ЦИКЛ

СОСТАВИТЕЛЬ
ВЛАДИСЛАВ
П. ПИКОСОВ

БЕРРОУЗ Э.Р.

Луна

Эдгар Берроуз

Лунная девушка

«Автор»

1922

Берроуз Э. Р.

Лунная девушка / Э. Р. Берроуз — «Автор», 1922 — (Луна)

Эта удивительная история произошла в 22 столетии, когда земляне смогли построить и направить первый космический корабль на Марс для установления контакта с марсианами. Однако один из членов экипажа сломал все приборы, и корабль совершил вынужденную посадку на Луне. И когда уже казалось, что будущее неминуемо трагично люди обнаружили, что здесь возможна жизнь...

© Берроуз Э. Р., 1922

© Автор, 1922

Содержание

Вступление	5
1. Приключения в космосе	8
2. Тайны Луны	16
3. Животные или люди?	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эдгар Берроуз

Лунная девушка

Вступление

Мы встретились в Голубой Каюте трансокеанского лайнера «Хардинг» вечером в день Марса – десятого июня 1967 года. До отправления лайнера еще оставалось время, и я несколько часов бродил по городу. Куда бы я не заглядывал, всюду я видел одну и ту же картину, которая вряд ли когда-нибудь снова повторится – мир сошел с ума от радости. В Голубой Каюте оставалось свободным только одно место. Место за столиком, за которым в одиночестве сидел, он. Я спросил разрешения, и он, привстав, вежливо попросил меня присоединиться к нему. Его лицо при этом осветилось такой улыбкой, что я с первого взгляда почувствовал к нему симпатию.

Я думал, что День Победы, который мы праздновали два месяца назад, с точки зрения неистовости национального энтузиазма, затмевает все; однако сообщение, переданное вчера, потрясло умы и сердца людей.

Более чем полувековая война, продолжавшаяся практически без перерывов с 1914 года, окончилась, наконец, полной победой англо-саксонской расы над всеми остальными народами мира.

И практически впервые со времени возникновения человечества создавались условия для прочного мира. С войною было покончено раз и навсегда. Оружие и амуниция были сброшены в пять океанов. Грандиозные воздушные армады были частью пущены на лом, частью превращены в транспортные самолеты, служащие миру и торговле.

Праздновали все нации – и побежденные, и победители, – все устали от войны. По крайней мере, они думали, что устали. Однако, устали ли они? Что, кроме войны, они вообще знали? Только самые старые из них сохранили крупницы воспоминаний о мирной жизни, остальные знали только войну. Мужчины рождались, жили и умирали, окруженные внуками – и все это под аккомпанемент войны, постоянно звучащий в их ушах. Возможно, что какую-то маленькую область деятельности и не задевали железные подковы битв, однако, всегда где-нибудь да продолжалась война, и если сейчас она откатывалась, как соленый прибой, то только чтобы снова вернуться назад.

И все это до тех пор, пока война не взметнулась гигантской волной человеческих страстей в 1959 году и не завертела весь мир на целых восемь лет в кровавом водовороте, а откатившись назад, наконец, оставила миру опустошенную и бесплодную землю.

Прошло два месяца, когда казалось, что мир остановился передохнуть, перевести дыхание. А что дальше? У нас был мир, но что нам делать с ним? Те, кто направляли наши мысли и поступки, воспитывались только для одного – для войны. Реакцией на все была подавленность: наши нервы, привыкшие к постоянному возбуждению, восставали против монотонности мира, и все же никто больше не хотел войны. Мы сами не знали, чего хотели.

А затем было сделано заявление, которое, с моей точки зрения, спасло мир от безумия; оно дало пищу для размышлений о предмете, намного превосходящем прозаические войны, и не менее возбуждающим и мысли и чувства – была установлена постоянная связь с Марсом.

Поколения войны внесли свой вклад в стимуляцию научных исследований, призванных помочь нам убивать друг друга еще быстрее, еще быстрее доставлять своих юношей к неглубоким могилам в чужих песках, секретней и еще проворней передавать наши приказы об уничтожении своих соплеменников. Однако, всегда, поколение за поколением, находились те немногие, которые посвящали себя мыслям не о разрушении, а думали о грядущих счастливых годах.

Те, чей талант и энергия были направлены на то, чтобы использовать достижения науки для блага человечества, для возрождения цивилизации.

Среди этих людей образовалась тесная группа, над которой смеялись, но которая упорно продолжала цепляться за свою идею – идею установления контакта с Марсом. Вера, которая существовала уже многие годы и которой не давали угаснуть, ее передавали от учителя к ученику со все возрастающим воодушевлением. Люди вокруг насмеялись над ними, как и те, что смеялись сотни лет назад над экспериментами с аппаратами, названными «летательными аппаратами».

И вот в 1940 году пришла первая награда за долгие годы упорного труда и надежд. Это произошло благодаря усовершенствованию приборов служащих для определения расстояния и направления источника радиоволн. Примерно за семь лет до этого появившиеся все более чувствительные аппараты зарегистрировали серию сигналов из трех точек и трех тире. Они передавались через точные интервалы в 24 часа 37 минут и продолжались приблизительно пятнадцать минут. Новая аппаратура убедительно доказала, что эти сигналы, если это вообще были сигналы, всегда шли на Землю из той части Вселенной, где вращалась планета Марс.

Только пять лет спустя удалось создать передающую аппаратуру, позволявшую послать сигнал с Земли на Марс. Для начала был повторен их сигнал – три точки и три тире. И хотя еще не истек обычный срок со времени подачи последнего сигнала, был немедленно получен ответ. Затем мы для пробы послали сигнал из пяти точек и двух тире. Немедленно к нам пришел сигнал из пяти точек и двух тире, и мы поняли, что установили связь с Красной Планетой. Однако, потребовалось двадцать два года невероятных усилий лучших умов человечества, чтобы создать и улучшить систему информативного обмена между двумя планетами.

Сегодня, десятого июня 1967 года, по всей планете было опубликовано первое послание с Марса. Оно было из Гелиума Барсума и просто передавало привет своей сестре-планете. Однако, это было только начало.

Голубая комната «Хардинга», я полагаю, походила не любое подобное место в цивилизованном мире. Мужчины и женщины ели, пили, смеялись и разговаривали. Корабль летел на высоте тысячи футов. Его моторы, питаемые со станций, расположенных в тысячах милях от корабля, бесшумно несли его по ночному небу в рейсе Чикаго-Париж.

Я, конечно, уже много раз летал этим маршрутом, однако, сегодня был особенный день, связанный с эпохальным событием, которое и праздновали пассажиры; и вот я засиделся позже обычного, наблюдая своих соотечественников со снисходительной, как мне казалось, улыбкой на губах, поскольку – я говорю это без лишнего самомнения – мне была дарована высокая привилегия участвовать в тех событиях, которые породили после сотни лет усилий этот праздничный день. Я еще раз огляделся и затем посмотрел на своего соседа.

Он был симпатичным малым, худощавый и бронзовый от загара – ему не нужны были летная форма, адмиральские звезды и якоря, нашивки о ранениях: с одного взгляда в нем был виден военный; каждый дюйм его роста говорил об этом, а в нем было полных семьдесят два дюйма.

Мы немного поговорили, конечно, и о великой победе, и о послании с Марса, и хотя он часто улыбался, я заметил тень грусти в его глазах, а когда с соседнего столика до нас донесся особенно громки взрыв смеха, он покачал головой и заметил:

– Однако пусть, пусть они радуются жизни, пока еще можно! Я завидую их наивности.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил я.

Он смутился, и, улыбнувшись, спросил:

– Разве я говорил вслух?

Я повторил ему то что он сказал: он с минуту смотрел на меня пристально, прежде чем снова заговорить.

– О, бесполезно! – воскликнул он почти с раздражением. – Вы бы не поняли и конечно, не поверили бы. Я сам толком этого не понимаю. Однако, я должен верить, потому что я видел, видел это собственными глазами. Боже! Если бы вы только видели то, что пришлось увидеть мне!

– Расскажите, – попросил я его, но он с сомнением покачал головой.

– Понимаете ли вы, что не существует такого понятия, как Время? – неожиданно спросил он и добавил. – Что человек выдумал это понятие, потворствуя своему ограниченному уму, точно так же он назвал другое явление, которое не мог ни объяснить, ни понять – Пространство!

– Я слышал эту теорию, – ответил я. – но я не верил и не верю в нее – я просто не знаю.

Мне показалось, что это его удивило. Я замолчал, так как детективные истории именно таким образом рекомендуют вытягивать из собеседника необычайные и странные рассказы. Он глядел сквозь меня, и я представил, что он погрузился в какие-то свои ужасные воспоминания. Возможно, я был неправ, хотя в действительности полностью убедился в этом, когда он снова заговорил.

– Если эта девушка не будет осторожна, – заметил он, – стол опрокинется, и она больно ударится. Она же стоит совсем на краешке.

Я повернулся и увидел хорошо одетую и сильно растрепанную девушку, которая под общие одобрительные крики компании танцевала на столе. Мой сосед встал.

– Большое спасибо за компанию. Надеюсь еще раз встретиться с вами. Мне надо подыскать себе место, где можно было бы отоспаться. Они не смогли дать мне каюту. И, кажется, я так и не выспался с тех пор, как они послали меня назад.

Он улыбнулся.

– Вы избежали газовых снарядов и радиобомб, я полагаю, – заметил я.

– Да, согласился он, – выздоравливающий и избежавший оспы...

– У меня каюта с двумя койками, – предложил я. – Мой секретарь в последнюю минуту заболел. Я был бы рад предложить вам его место.

Он поблагодарил меня и принял предложение, переночевать одну ночь у меня в каюте; наутро мы уже должны были быть в Париже.

Когда мы проходили меж столиков, он остановился у столика той женщины, на которую прежде обратил внимание. Их глаза встретились и ее лицо выразило удивление и недоверчивое недоумение. Он дружелюбно улыбнулся и кивнул ей, затем прошел дальше.

– Вы что, знаете ее? – поинтересовался я.

– Да, узнаю... через две сотни лет, – был его загадочный ответ.

Мы отыскали нашу каюту, распили бутылочку виски, выкурили по сигарете, поговорили и сблизились еще больше.

Он первый вернулся к нашему разговору в Голубой Каюте.

– Я собираюсь рассказать вам, – начал он, – то, что я никому до сих пор не рассказывал. Однако, если вы захотите пересказывать эту историю, не упоминайте моего имени. У меня еще несколько лет этой жизни впереди, и я бы не хотел, чтобы на меня указывали пальцем, как на лунатика. Прежде всего разрешите заметить, что я не хочу ничего объяснять; естественно, я не думаю, что предвидение является объяснением. Я действительно «жил» той жизнью, о которой я вам расскажу; и та девушка, которая танцевала на столе, прожила ту жизнь вместе со мной, но она этого не знает. Если вы хотите, то можете не придерживаться теории, что не существует такого понятия как Время – просто помните об этом. Вы не сможете понять этого, или, по крайней мере, я не смогу объяснить этого вам. Итак, начнем...

1. Приключения в космосе

– Я хочу рассказать вам мою историю, историю двадцать второго столетия. Однако будет лучше для того, чтобы вы поняли ее, рассказать вам сначала историю моего пра-пра-пра-дедушки, который родился в двухтысячном году.

Я, наверное, взглянул на него несколько иронически, так как он улыбнулся и покачал головой, как человек, затрудняющийся найти объяснение, соответствующее умственным способностям аудитории.

Мой пра-пра-пра-дедушка был на самом деле пра-пра-пра-внуком моего прежнего воплощения, которое началось в 1986 году. В возрасте двадцати лет я женился в 1916 году. Мой сын Юлиан родился в 1917 году. Я никогда не видел его. Я был убит во Франции в 1918 году в день заключения перемирия.

Я был снова перевоплощен в сына моего сына в 1937 году. Мне тридцать лет. Мой сын родился в 1970 году – это сын моего перевоплощения в 1937 году – и его сын Юлиан Пятый, в котором я снова вернулся на Землю в 2000 году.

Я вижу, вы несколько сконфужены, но однако попытайтесь понять, что я вам уже говорил – не существует такого понятия, как Время. Сейчас 1967 год, однако я отчетливо вспоминаю факты моей жизни в течение четырех воплощений; последнее из них, как я помню, началось в 2100 году. Или я действительно пропустил три поколения в тот раз или благодаря капризам судьбы я просто не помню промежуточных воплощений, не знаю...

Моя теория всего этого состоит в том, что единственное мое отличие от современников заключено в моей способности помнить события всех воплощений, в то время как они вспоминают только некоторые важные эпизоды того воплощения, в котором они находятся. Однако возможно, что я и не прав. Но это не важно. Я расскажу вам историю Юлиана Пятого, родившегося в 2000 году, а затем, если у нас еще останется время и вам это интересно, я расскажу о мучениях в течении тех ужасных дней двадцать второго столетия, которые последовали за рождением Юлиана Десятого в 2100 году.

Я постараюсь передать вам эту историю его собственными словами, насколько мне удастся ее припомнить. Однако, по некоторым причинам, где не последней является моя лень, я опущу, с вашего разрешения, конечно, чрезмерно длинные цитаты.

Мое имя Юлиан, Юлиан Пятый. Я происхожу из известной семьи: мой пра-прадед Юлиан Первый, майор в двадцать два года, был убит во Франции в самом начале войны. Мой пра-прадед, Юлиан Второй, был убит в битве в Турции в 1938 году. Мой прадед, Юлиан Третий, провоевал без перерыва с шестнадцатилетнего возраста до самого провозглашения мира – ему как раз было тридцать лет. Он умер в 1992 году и в последние двадцать пять лет своей жизни носил звание адмирала авиации; после окончания войны он возглавил Интернациональный мирный флот, патрулировавший и осуществлявший полицейские функции на всей Земле. Он так же, как и мой отец, вступивший на этот пост после его смерти, погиб при исполнении служебных обязанностей.

В шестнадцать лет я окончил Школу Пилотов и был направлен в Интернациональный Мирный флот. Итак, я был пятым представителем нашей семьи, который носил форму военного нашей страны. Это было в 2016 году, и я помню, что очень гордился тем, что ровно век тому назад Юлиан Первый окончил Вест Пойнт и что в течение этих ста лет ни один из мужчин нашей семьи не только не носил, но и не имел гражданской одежды.

Конечно, войны больше не было, однако стычки случались. Появились воздушные пираты, с которыми надо было бороться; иногда приходилось посылать на некоторые нецивилизованные племена России, Африки и Центральной Азии карательные экспедиции. Однако, жизнь казалась нам монотонной и однообразной. Особенно же, когда мы читали о своих геро-

ических предшественниках 1914—1967 годов, и все же из нас никто не желал войны. Нас чересчур хорошо научили тому, что не надо думать о войне: Интернациональный Мирный Флот так же эффективно разрушал все приготовления к войне, что мы все ясно понимали – новая война никогда не разразится. Во всем мире не осталось огнестрельного оружия, кроме как у нас, да было, правда, несколько старинных образцов, которые мы сохранили как фамильные реликвии, или поместили в музеи, да еще некоторое количество старинного оружия сохранилось у диких племен, однако, без боеприпасов. Мы запретили им какое-либо их производство. Не осталось ни одного газового снаряда, ни одной радио-бомбы, ни одной установки для их запуска.

Во всем мире не осталось ни одного орудия. Я был глубоко убежден, что если вооружить тысячу человек различными орудиями уничтожения, которые достигли своей высшей эффективности к концу войны в 1967 году, то они завоевали бы весь мир. Однако не существовало этой вооруженной группы – никогда больше не удастся вооружить тысячу человек в каком-либо уголке Земли. Интернациональный Мирный Флот был создан и сооружен именно для того, чтобы предотвратить подобное бедствие.

Но, казалось, самое предвидение было против мира. Если удавалось уничтожить внутренние источники, то всегда оставались непредвиденные внешние, находившиеся вне нашего контроля. Один из подобных источников и погубил нас. Его зерна были посеяны за тридцать три года до моего рождения в тот исторический день 10 июня 1967 года, когда Земля получила первое послание с Марса. С этого дня обе планеты находились в постоянном контакте, обмениваясь взаимно информацией. В некоторых областях науки и искусства марсиане, или как они себя называли – барсумцы, немного опередили нас: в ряде наук однако, мы достигли значительно больших успехов. Таким образом и шел обмен знаниями к взаимной выгоде обоих миров.

Мы познакомились с их историей и обычаями, они познакомились с нашей, хотя барсумцы и знали задолго до этого о нас больше, чем мы о них. С самого начала «марсианская хроника» заняла значительное место в нашей прессе.

Они больше всего помогли нам, вероятно, в медицине и аэронавтике. Они снабдили нас чудесной целительной «примочкой Барсума», а что касается аэронавтики, то мы узнали, что такое «восьмой луч»: у нас на Земле он больше известен под названием «Барсумский луч». Он заполняет специальные подъемные баки современных самолетов. Сразу же вышли из употребления старые конструкции, которые могли подняться в воздух, только набрав определенную скорость.

То, что мы вообще могли обмениваться информацией с Марсом, стало возможно только благодаря таинственной транспортировки на Марс 4 марта 1656 года бессмертного виргинца Джона Картера. Об этом знает каждый ребенок 22 столетия. Если бы марсианские ученые, работавшие над проблемой связи с Землей, из-за политических соображений не объединились бы в секретную организацию, обе планеты смогли бы обмениваться информацией на пятьдесят лет раньше. Однако, только после того, как они обратились к Джону Картеру, был разработан существующий сейчас межпланетный код.

С самого начала обе планеты усиленно работали над проблемой посылки людей. Каждая планета надеялась первой послать своих космонавтов, однако, ни одна не утаивала своих достижений в этой области, которые помогли бы другой приблизить этот великий день. Это было дружеское соперничество, и ко времени окончания мною летной школы, по крайней мере, теоретически все было готово к тому, чтобы та или другая планета достигла этого. У нас был Восьмой луч, моторы, окислительная аппаратура, умение герметизировать межпланетный корабль – все было готово для того, чтобы обеспечить безопасный перелет на Марс, если бы только Марс был обитаем. Но это было не так, и мы опасались, что и другие планеты, и Солнце – тоже заселены.

В 2015 году Марс запустил на Землю корабль с экипажем в десять человек, снабдив их провизией на десять лет. Они надеялись, что путешествие займет немногим меньше пяти лет, поскольку корабль развивал скорость до 1000 миль в час. Однако, ко времени окончания мною школы, корабль уже отошел от курса почти на миллион миль, и все считали, что попытка безнадежно провалилась. Экипаж поддерживал постоянную связь с Землей и Марсом, все еще надеясь на успех, однако компетентные представители обоих миров уже поставили крест на этом космическом путешествии.

Ко времени выпуска марсианского корабля у нас уже был готов свой, однако, правительство в Вашингтоне запретило нам рисковать, когда стало очевидно, что марсиане – космонавты обречены – очень мудрое решение, так как наш корабль не был совершеннее марсианского. Прошло почти десять лет, прежде чем удалось продвинуться вперед в осуществлении новой и более успешной попытки космического полета. Мы обязаны этим моему соученику, капитан-лейтенанту Ортису, одному из самых талантливых людей, которых я когда-либо встречал, и в то же самое время самому беспринципному и, по крайней мере, по отношению ко мне, самому отвратительному.

Мы поступили в Летную Школу одновременно. Он из Нью-Йорка, я из Иллинойса, и с первого дня мы испытывали друг к другу неприязнь, которая с его стороны значительно возросла, благодаря тем неблагоприятным событиям, развившимся за те четыре года, пока мы жили под одной крышей. Вначале он не был популярен ни среди учеников, ни среди инструкторов и офицеров школы, в то время как я пользовался их любовью в тех видах спорта, где он считал себя лучшим, к сожалению, именно я лишал его высших наград. На занятиях он затмевал всех нас – даже инструкторы поражались его уму – и все же, переходя с курса на курс, я часто получал на экзаменах более высокие оценки. Я всегда думал о нем, как о кадетском офицере, и при окончании я получил самое высокое звание среди курсантов, – звание, которое много лет тому назад отменили, и сейчас ввели снова.

С этого времени я редко видел его. Его служба в основном протекала на Земле, в то время как я был все время в воздухе, летая из одного конца мира в другой. Иногда до меня доходили слухи о нем – в основном плохие. Он был женат на девушке и бросил ее; людская молва муссировала слух о растрате; рассказывали, что он вступил в ряды заговорщиков, стремящихся сбросить правительство. Я верил многому из того, что говорилось об Ортисе, но, конечно, не всему.

И в течение последующих девяти лет после окончания школы, чем меньше соприкасались нами интересы, тем более росла пропасть между мной и им, и все из-за растущей разницы в званиях. Он был всего капитан-лейтенантом, я уже капитаном, когда в 2024 году он сообщил об обнаружении и получении Восьмого Солнечного луча. В течение двух последующих месяцев он открыл и получил такие же лучи и с Луны, Меркурия, Венеры и Юпитера. Восьмой Марсианский луч и идентичный ему Восьмой Земной луч уже открыли и научились получать, хотя на земле ошибочно называли последний – Марсианским.

Открытие Ортиса было восторженно встречено обеими планетами и явилось ключом к путешествию с Земли на Барсум. Дело в том, что с помощью этих лучей открывалась возможность полностью избавиться от притяжения Солнца и других планет, кроме Урана, Сатурна и Нептуна. А это, в свою очередь, позволяло кораблю беспрепятственно лететь прямо на Марс. Эффектом притяжения трех отдаленных планет считалось возможным пренебречь, поскольку были они на очень большом расстоянии, как от Марса, так и от Земли.

Ортис хотел немедленно снарядить корабль и отправиться в путешествие, но опять вмешалось правительство и запретило это, как необоснованный риск. Вместе этого Ортису получили спроектировать маленький беспилотный корабль, управляемый по радио. Надеялись, что до половины расстояния до Марса, по крайней мере, удастся осуществлять над ним контроль. Представьте же, как он был раздосадован, и я также, когда по окончании постройки мне пору-

чили приемку корабля. Однако, надо заметить, что Ортис сумел подавить в себе чувство неприязни, и мы с ним неплохо сработались. Хотя дело, которое нам поручили, было важным, наше соперничество было неприятно нам обоим. Со своей стороны я постарался сделать все от меня зависящее; работая с ним вместе, я не пытался руководить им и не подчеркивал своего старшинства.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы создать экспериментальный корабль, и за этот период я имел возможность лишний раз убедиться в талантливости Ортиса. Однако его мысли и сердце оставались для меня закрытой книгой.

В конце 2024 года корабль отправился в свое странное путешествие, и почти немедленно по моей рекомендации началась работа по конструированию большого корабля, который начал сооружаться еще в 2015 году. Неудача, постигшая марсианский корабль, поколебала уверенность нашего правительства в необходимости новой попытки, пока казавшиеся непреодолимыми препятствия не смогут быть разрешены. Ортис снова был моим помощником, и поскольку все необходимое было под руками, менее чем за восемь месяцев «Барсум» – как мы окрестили корабль, – был построен и тщательно снаряжен для межпланетного путешествия. Различные «восьмые» лучи, которые должны были помочь нам в преодолении притяжения Солнца, Меркурия, Венеры, Земли, Марса и Юпитера, были заключены в специальные баки, тщательно сконструированные и встроенные в корпус корабля. Кроме того на носу корабля находился маленький бак с Восьмым Лунным лучом, который должен был обеспечить нам беспрепятственный полет мимо Луны без боязни падения на ее бесплодную землю.

Время от времени еще приходили сигналы с марсианского корабля. Они были слышны в течение почти пяти лет со дня старта, однако их интенсивность все ослабевала. Команде удалось, благодаря теоретическим усилиям, справиться с притяжением солнца, используя для этого Юпитер, и теперь они находились в космосе на полпути между этой планетой и Марсом. В течение последних четырех лет этому кораблю могло просто не везти, однако единственное, в чем мы были уверены, это то, что его команде никогда не удастся вернуться на Барсум.

Что касается нашего экспериментального корабля, то он находился в пути уже восемь месяцев. И насколько были точны предсказания Ортиса, что даже самые чувствительные приборы не могли заметить отклонения от намеченного курса. Именно в этот момент Ортис начал бомбардировать правительство просьбами разрешить ему отправиться в космос на новом корабле, который к этому времени был уже построен. Однако власти тянули с ответом до конца 2025 года. Экспериментальный корабль, к этому времени уже находившийся в полете больше года, по-прежнему не отклонился от курса, и власти все же уверовали в то, что успех путешествия обеспечен, и что оно не связано с бесполезным риском для космонавтов.

Для полета на «Барсуме» требовался экипаж из пяти человек и, как это было заведено на протяжении столетий, когда дело касалось особо опасных предприятий, объявили набор добровольцев. В результате этого более половины персонала Интернационального Мирного Флота умоляли о разрешении попасть в число членов экипажа.

Правительство, в конце концов, отобрало пять человек. В результате я снова невольно явился причиной огорчения и досады Ортиса – именно меня поставили главным над Ортисом, двумя лейтенантами и курсантом, которые составили экипаж.

«Барсум» превышал по размерам корабль, запущенный марсианами. Это позволило запасти продукты на пятнадцать лет. Корабль был оснащен более мощными моторами, которые позволили развивать среднюю скорость до двенадцати тысяч миль в час. Кроме этого у нас имелись двигатели, недавно изобретенные Ортисом. Они, используя энергию света, могли обеспечить нам в случае отказа других двигателей скорость в половину примерно меньше средней крейсерской. Никто из нас не был женат. Жена Ортиса, о которой я говорил ранее, недавно умерла. Правительство взяло опеку над нашими капиталовложениями. На прощание для нас был дан чудесный бал в Белом Доме 24 декабря 2025 года, а в Рождество наш корабль величе-

ственно поднялся со стартовой площадки, где он был установлен, под звуки оркестров и криков тысяч наших сограждан прямо в синеву неба.

Я не буду утомлять вас сухим инженерным описанием двигателей и оборудования. Достаточно будет сказать, что было три типа двигателей: одни служили для полета сквозь атмосферу, другие – сквозь эфир, последние же составляли самую главную часть. Они состояли из мощных мультивыхлопных сепараторов, которые в большом количестве отделяли настоящий Барсумский Восьмой луч и выбрасывали его с огромной скоростью в направлении Земли, толкая корабль к Марсу. Эти сепараторы были таким образом спроектированы, чтобы выделять и Земной Восьмой луч, который был необходим для возвращения.

Последнее изобретение Ортиса – вспомогательный двигатель, о котором я уже упоминал, был установлен на корабле и легко трансформировал из мертвого пространства лучи от любой планеты, в том числе и от солнца. Это давало нам возможность передвигаться в любом месте Вселенной путем простого выделения и последующего испускания восьмых лучей, получаемых от ближайшего небесного тела. Четвертый тип генераторов служил для выделения кислорода из эфира, другой испускал изолирующие лучи, которые обеспечивали постоянство температуры и внешнего давления. Их действие было аналогично действию атмосферы, окружающей Землю. Наука, таким образом, позволила нам создать целый маленький мир, который по нашему желанию летел в космосе – маленький мир, населенный пятью обитателями.

Если бы не Ортис, путешествие обещало быть интересным. Что касается Веста и Джея, то они были удивительно приятными компаньонами, с которыми можно было вести дела. Портон, шестнадцатилетний курсант, обладал такими хорошими манерами, так охотно и тщательно выполнял свои обязанности, что полюбился нам буквально с момента старта. На борту «Барсума» было три каюты. Одну занимал я, другую Ортис с Вестом, в третьей жили Джей с Нортон. Джей и Вестом были лейтенантами. Они вместе учились в Летной Школе. Они, конечно, желали бы занять отдельную каюту, но только в том случае, если бы это предложил сам Ортис или бы приказал я. Я колебался, а что касается Ортиса, то трудно было ожидать чего-либо от человека, который никогда в жизни не считался ни с чьими желаниями. Мы все вместе: и Вест, и Джей, и Нортон готовили пищу. Однако, что касается управления кораблем, то здесь табель о рангах соблюдался строго. Если бы мы не чувствовали себя равными, вряд ли вообще было возможно подобное предприятие – более чем пять лет нам предстояло жить вместе – впятером. У нас были книги, письменные принадлежности и игры, и кроме этого, конечно, мы поддерживали постоянную радиосвязь с Землей и Марсом. Нам сообщали последние новости с обеих планет. Мы слушали оперы и концерты, слушали музыку обоих миров, так что нам хватало развлечений.

В отношении ко мне Ортиса чувствовалась сдержанность; однако, надо отдать ему должное, внешне все выглядело прекрасно. Конечно же, мы не расшаркивались, да я и не мог бы, зная, что Ортис ненавидит меня, к тому же презирая его характер. Интеллектуально он был выше всяких похвал, именно в этой области мы встречались без всяких предубеждений. У нас состоялось много плодотворных дискуссий в первые дни нашего, как оказалось, короткого путешествия.

Примерно на второй день я заметил, что Ортис стал проявлять повышенный интерес к Нортону. Это было совсем не в характере Ортиса, заводить друзей, однако, он и Нортон подолгу оставались вместе и, казалось, получали огромное удовольствие от общества друг друга. Ортис был прекрасным рассказчиком. Он прекрасно знал свою специальность и был изобретателем и ученым высокого класса. Нортон, хотя еще почти совсем мальчик, обладал живым умом. Он был лучшим из своих соучеников, возглавляя список лучших курсантов этого года, и я не мог не заметить, что когда дело доходило до науки, он буквально впитывал каждое слово, которым снисходительно одаривал его Ортис.

Прошло примерно шесть дней, и вот Ортис подошел ко мне и сказал, что так как Джей и Вест – соученики и товарищи, то они наверняка были бы не прочь поселиться вместе. С другой стороны, он переговорил с Нортоном, и тот согласен обменяться и занять место Веста в каюте Ортиса. Я, конечно, был рад такому пожеланию, так как это значило, что мои соратники теперь поселяться вместе, и все устроится наилучшим образом, и хотя бы с этой стороны это будет способствовать успеху экспедиции. Мне было, конечно, немного не по себе от того, что такой чудесный мальчик, как Нортон, попал под влияние Ортиса. Однако, я думал, что я, Вест и Джей явимся противовесом тому влиянию, которое Ортис оказал бы на любого человека за эти пять лет, свободно обсуждая с ним различные проблемы, в чем он был мастер. Таким образом я надеялся предотвратить любую, какой бы малой она ни была, опасность подобного общения.

К этому времени начало сказываться притяжение Луны. При той скорости, с какой мы путешествовали, мы должны были выйти из ее притяжения примерно на двенадцатый день, то есть шестого января 2026 года.

Наш курс пролегал в двенадцати тысячах миль от Луны и, когда мы приблизились, нам открылось самое впечатляющее зрелище, которое когда-либо видел человек. Невооруженному глазу она представлялась ослепительной и чудесной, примерно в десять раз превышая по размерам то, что мы видим с Земли. Наши мощные телескопы настолько увеличивали изображение ее фантастической поверхности, что можно было, казалось, дотронуться рукой до ее причудливых скал, изломанных гор.

Все это позволило нам проверить ложность или правильность теории некоторых земных ученых, утверждавших что на Луне есть растительность. Наше внимание привлекло нечто, похожее на движение в некоторых долинах и горных ущельях. Нортон предположил, что это живые существа; однако при более пристальном рассмотрении оказалось, что это грибовидное растение, которое росло с такой скоростью, что мы могли наблюдать весь процесс роста и умирания.

За тот небольшой промежуток времени, который имелся в нашем распоряжении, мы установили, что жизненный цикл этого растения составляет один звездный месяц, всего за двадцать семь дней оно вырастает из споры в большое дерево, достигающее сотен футов в высоту. Ветви его выглядели угловато и гротескно и литья были широкие и толстые. И в тех деревьях, за которыми мы наблюдали, играли все семь цветов радуги. Как только соответствующая часть Луны попадала в тень, растение опадало, затем вяло и очевидно, просто превращалось в тонкую пылевидную пудру, по крайней мере, так нам виделось все это в телескоп; они, казалось, просто исчезают. Движение, которое мы заметили на поверхности Луны, было просто этим быстрым ростом, так как никакого ветра на Луне не было. И Джей и Ортис утверждали, что они заметили что-то, напоминающее насекомых и рептилий. Я сам этого не видел, однако многие листья выглядели, как будто их ели. Все это подтверждало теорию что на нашем спутнике существует жизнь, отличная от растительной.

Но я думаю, что чудеса, ставшие реальностью, сокровища ящика Пандоры открылись перед нами, когда мы скользнули за лицевую сторону Луны, и перед нами предстало то, что было сокрыто от человеческих глаз – две пятых поверхности, часть, невидимая с Земли.

Мы с благоговением смотрели на кратеры и моря, на четыре великие горные гряды. Мы наблюдали на близком расстоянии вулканы Аполлеи, У.Вонд, Тихо, но все это бледнело и становилось несущественным перед открывшейся нашему взору неизвестностью.

Я не скажу, что это отличалось существенно от того, что мы видели на той стороне Луны – от того это было скорее то очарование тайны, что точно туманом окутывало ее с той поры, как ее красоты предстали перед нашими глазами. На ее поверхности мы обнаружили неизвестные горные массивы, холмистые равнины, высокие вулканы и величественные кратеры и те же растения, которые мы уже видели.

Мы уже два дня как пролетели Луну, когда начались первые неприятности. У нас было запасено примерно по сто двадцать кварт спиртных напитков на человека, то есть в расчете на пять лет на каждого в день приходилось безобидные две унции. Каждый вечер перед обедом мы пили за президента коктейль, в который добавляли унцию спиртного. Этот обычай давал нам возможность растянуть наши запасы в случае, если наше путешествие затянется, или потребуется отпраздновать какое-либо событие.

На тринадцатый день нашего путешествия Ортис явился к обеду в кают – компанию, будучи явно пьяным.

Из истории известно, что во времена «сухого закона» пьянство стало повсеместным и достигло таких размеров, что превратилось в национальное бедствие. Однако, после отмены «сухого закона» примерно сто лет тому назад, пьянство значительно уменьшилось. Стало просто неприличным появляться пьяным на людях. А появление в нетрезвом виде на работе стало рассматриваться как предательство. Мне оставалось только одно. Я приказал Ортису немедленно отправиться в свою каюту.

Однако он оказался более пьян, чем я предполагал. Он накинулся на меня как тигр.

– Ты не думай! – кричал он. – Ты всю жизнь крал у меня все, все плоды моих усилий достались тебе в результате крюкотворства и мошенничества. Даже сейчас, когда мы уже почти на Марсе, хвалу поют тебе, а не мне, хотя это создали мои руки и мой мозг. Но, черт возьми, мы не долетим до Марса. Ты больше не воспользуешься плодами моего труда. В этот раз ты зарвался, а сейчас еще осмеливаешься шпынять меня – меня, который сделал из тебя то, что ты себя сейчас представляешь!

Я сдержался, поскольку видел, что в таком состоянии он не отвечает за свои поступки и слова.

– Идите в свою каюту, Ортис, – повторил я приказание. – Я поговорю с вами утром.

При этом присутствовали все. Казалось, они были все парализованы, увидев человека в таком состоянии и такое открытое неповиновение. Первым пришел в себя Нортон. Подбежав к Ортису, он положил руку на плечо.

– Пойдемте, сэр – попросил он.

К моему удивлению, Ортис дал увести себя в каюту без сопротивления.

Во время путешествия мы продолжали придерживаться земного распорядка дня и ночи. Мы отмечали их смену по хронометру, так как вокруг нас царил беспросветный мрак, если не считать небольшого ореола в том месте, где солнечные лучи сталкиваются с лучами изолирующих генераторов. На следующее утро перед завтраком я послал за Ортисом. Он вошел в мою каюту с вызывающим и наглым видом, и его первые слова говорили, что если он и не продолжал пить, то, во всяком случае, и не испытывал и тени раскаяния за свою непростительную вчерашнюю выходку.

– Ну! – спросил он. – Какого черта тебе надо?

– Ортис, я не могу понять твоего отношения ко мне. Я никогда не имел намерения оскорбить тебя. Когда приказы правительства соединяли нас, я был так же раздосадован, как и ты. Сотрудничество с тобой для меня так же неприятно, как и для тебя. Я сделал то, что и ты – подчинился приказу. Я не имел намерения обворовывать тебя; однако, не об этом сейчас речь. Ты виновен в пьянстве и неподчинении. Я могу положить этому конец, просто конфисковав твой запас ликера до конца полета. Что касается остального – то достаточно будет твоего извинения. Я даю тебе двадцать четыре часа на размышление. Если ты не хочешь воспользоваться моей милостью, Ортис, весь путь до Марса и обратно ты проделаешь в кандалах! От твоего решения сейчас и от твоего последующего поведения зависит твоя дальнейшая судьба на Земле. И я даю тебе слово, Ортис, что данной мне властью в этот полете, если я сочту нужным, я вычеркну из судового журнала всякое упоминание о твоем поступке. Сейчас отправляйся в каюту. Тебя

будут кормить в течение этих двадцати четырех часов. По их истечении я жду твоего решения. За это время – никакого вина!

Он угрожающе посмотрел на меня, повернулся на каблуках и покинул каюту.

В эту ночь дежурил Нортон. Мы уже как два дня миновали Луну. Вест, Джей и я спали в своих каютах, как вдруг в мою ворвался Нортон и начал трясти меня за плечо.

– Боже, капитан! – воскликнул он. – Скорее! Лейтенант Ортис уничтожает двигатели!

Я вскочил на ноги и, разбудив по пути Веста и Джея, последовал за Нортонем в Моторное отделение. Через глазок в двери моторного отделения, которую Ортис запер изнутри, мы видели, как Ортис рушит запасной двигатель, который был не только нашим спасением в случае аварии, но и благодаря которому мы могли преодолеть притяжение любой планеты, в сферу влияния которой могли попасть. Я вздохнул с облегчением, когда заметил, что батарея основных моторов работает нормально, так как мы вообще-то не рассчитывали на вспомогательный двигатель: основные двигатели запасали достаточное количество восьмых лучей от любой планеты, притяжение которой мы испытывали, для того чтобы обеспечить нам безопасное путешествие. В это время к нам присоединились Вест и Джей. Я приказал Ортису открыть дверь. Он сделал еще что-то с двигателем, а потом пошел прямо к двери и распахнул ее. Его волосы были всклокочены, лицо опухло, глаза сверкали неестественным блеском, однако, он как-будто бы переполнялся пьяной мыслью радости, причину которой я поначалу не понял.

– Что вы тут делали, Ортис? – спросил я. – Вы находитесь под арестом и должны быть в своей каюте.

– Вы увидите, что я сделал, – грубо ответил он, – и что сделано, то сделано, и этого никогда не исправить. Я уж об этом позаботился.

Я грубо схватил его за плечо.

– Что это значит? Говори мне немедленно, что сделал, или, клянусь, я задушу тебя потому что видел по его выражению и из его слов, что он совершил нечто, чего он и сам ужасался. Он оказался трусом и спасовал под моим нажимом.

– Ты не осмелишься убить меня, – закричал он. – Это все не имеет смысла – через несколько часов мы все будем мертвы. Иди и посмотри на свой чертов компас!

2. Тайны Луны

Нортон, чья очередь была дежурить, спешил уже в пилотскую каюту, где были установлены контрольные приборы и различные инструменты. Эта каюта находилась как раз за моторным отсеком и представляла собой конусообразное помещение, вершина которого поднималась над корпусом корабля на двадцать дюймов. Все эти двадцать дюймов настройки по периметру занимали маленькие иллюминаторы из толстого прозрачного стекла.

Прежде чем последовать за Нортоном, я обратился к Весту.

– Мистер Вест, – сказал я, – вы и мистер Джей немедленно закуете капитан-лейтенанта Ортиса в кандалы. Если он будет сопротивляться, убейте его!

Когда я поспешил за Нортоном, то услышал вдогонку поток брани, а затем Ортис разразился маниакальным смехом. Добравшись до рубки, я увидел, что Нортон спокойно работает за пультом управления. В его движениях не было и тени истерики, но его лицо было пепельно-серым.

– Что случилось, мистер Нортон? – спросил я. Но одного взгляда на компас было достаточно, чтобы я все понял, мы двигались под прямым углом к своему первоначальному курсу.

– Мы падаем на Луну, сэр, – ответил он. – Корабль не поддается управлению.

– Выключите двигатели, – приказал я, – они только ускоряют наше падение.

– Есть, сэр! – ответил он.

– Бак с восьмым лучом Луны достаточно мощный, чтобы удержать нас от падения на Луну, – сказал я. – Если только он не попорчен, то нет опасности падения на лунную поверхность.

– Если его только не испортили. сэр. Я как раз об этом и думаю, сэр.

– Судя по индикатору он работает на полную мощность, – заметил я.

– Я знаю, сэр, – ответил он. – Но если бы он работал на полную мощность, мы не падали бы так быстро.

Я сразу же бросился к индикатору и мгновенно увидел, что его стрелка была испорчена, и так, чтобы он показывал максимальное значение. Я повернулся к Нортону.

– Мистер Нортон, пожалуйста, идите немедленно и осмотрите резервуар для Восьмого Лунного луча. Результат доложите мне сразу же.

Юноша откозырял и отправился. Для того, чтобы добраться до бака ему нужно было просунуться в узкое место над палубой. Примерно через пять минут Нортон вернулся. Он был уже не так бледен, однако был очень измучен.

– Ну? – спросил я и он вытянулся.

– Внешний засасывающий клапан был открыт, сэр, лучи уходили в космос. Я закрыл его, сэр.

Клапан, о котором он говорил, использовался только тогда, когда корабль стоял в доке. Он использовался для дозаправки, и из соображений безопасности был помещен в труднодоступной части корабля. Таким образом была исключена возможность случайного его открытия.

Нортон посмотрел на приборы.

– Мы уже не падаем так быстро, сэр.

– Да, – сказал я, – я уже это заметил. К тому же мне удалось привести в порядок индикатор; теперь видно, что давление составляет половину первоначального.

– Да, но это не спасет нас от падения.

– Спасло бы, да только не здесь, где нет атмосферы. Если бы на Луне была атмосфера, нам бы по крайней мере, удалось избежать посадки. Однако, дела обстоят таким образом, что единственное, на что я надеюсь, так это благополучное прилунение. Однако, в этом нет ничего хорошего. Вы понимаете, конечно, мистер Нортон, что это практически конец.

Он кивнул:

– Это будет жестоким разочарованием для жителей обеих планет.

– Печально сообщать подобное. Но это необходимо сделать немедленно. Пожалуйста, пошлите Секретарю Мира следующее: «США, Барсум, 6 января 2026 года примерно в 12000 милях от поверхности Луны. Будучи в состоянии алкогольного опьянения капитан-лейтенант Ортис испортил вспомогательный двигатель. Кроме того он открыл наружный клапан в баке с Восьмым Лунным лучом. Мы быстро падаем. Мы будем...»

Нортон, сидевший за передатчиком, вскочил и повернулся ко мне:

– Боже, он сломал и передатчик. Теперь мы не сможем передавать и получать сообщения!

При осмотре мы убедились, что Ортис испортил передатчик так, что не оставалось ни малейшей надежды починить его. Я повернулся к Нортону:

– Мы не только мертвые, Нортон, но и похоронены.

Я улыбнулся, и он мне ответил улыбкой, в которой не было и тени страха.

– Мне только жаль, сэр, – сказал он, – что мир не узнает, что причина катастрофы не в двигателях и не в приборах.

Я позвал Веста и Джея. Ортис был уже закован в кандалы и препровожден в каюту. Когда они явились, я ознакомил их с положением вещей. Они восприняли новость так же стойко, как и Нортон. Я и не сомневался в их реакции. Эти двое были лучшими, которых воспитала Летняя Школа – школа, воспитывающая прекрасных летчиков для Интернационального Мирного Флота.

Мы все вместе еще раз тщательнейшим образом осмотрели весь корабль. Никаких повреждений мы больше не обнаружили, однако и того, что было, вполне хватало. У нас не было никаких шансов преодолеть притяжение Луны.

– Джентльмены, вы, конечно, осознаете всю серьезность положения, – начал я. – Если бы нам удалось починить вспомогательный двигатель и наполнить бак с Восьмым Лунным лучом, мы бы продолжили свое путешествие. Однако, капитан-лейтенант Ортис проявил дьявольскую изобретательность. Поломки таковы, что нет никаких шансов их устранить. Мы можем еще долгое время летать над Луной. Но в конечном счете это ничего нам не даст. Таким образом, я предлагаю садиться. Что касается тех условий, которые ожидают нас на Луне, то единственное, что у нас есть, это набор противоречивых теорий. Таким образом хотя бы жгучее любопытство должно заставить нас сесть на эту мертвую планету. Здесь на месте мы сможем проверить правильность этой гипотезы. Существует возможность, я думаю маловероятная, что условия окажутся благоприятными и облегчат наше положение. В конце концов, хуже уж некуда. Жить пятнадцать лет в этом корабле, как в тюрьме – невыносимо. Я, конечно, говорю за себя, но мне было бы значительно легче умереть сразу же, чем жить вот так, без надежды на спасение. Если бы Ортис не сломал передатчик, мы по крайней мере, сообщили бы на Землю, и этак через год была бы снаряжена спасательная экспедиция. Но теперь мы не можем с ними связаться, и они никогда не узнают о нашей судьбе. Все так переменилось в связи с происшедшими событиями, что я чувствую себя не в праве предпринимать какие-либо шаги без консультации с вами, джентльмены. И сейчас перед нами стоит вопрос: как выжить... Я не могу выполнить миссию, для которой меня выбрали, я не могу вернуться на Землю! И я хотел бы, чтобы вы, джентльмены, высказались свободно по плану, который я предлагаю.

Вест, который был старшим из них, выступил первым. Он заявил, что согласен следовать за мной всюду. Джейн и Нортон, в свою очередь, выразили готовность следовать за мной. Они также заверили меня в своей искренней заинтересованности исследовать Луну и что они не видят лучшего выхода, как провести остаток жизни в исследовании неизвестного, в познании нового.

– Хорошо. Мистер Нортон, сажайте тогда корабль на Луну.

Лунное притяжение ускорило наш спуск. Мы неслись в пространстве с огромной скоростью. Луна росла на глазах. Через пятнадцать часов я отдал приказ о торможении. Корабль почти застыл на высоте девяти тысяч футов над вершинами лунных гор. Никогда я не видел более впечатляющего зрелища, чем эти горы. Их вершины возносились на пять миль над широкими равнинами. Отвесные утесы в три-четыре тысячи футов были обыденным явлением. Все это переливалось различными цветами. Фантастичность пейзажа подчеркивалась необычайной окраской быстрорастущих растений. С высоты мы видели многочисленные кратеры; некоторые были огромными кавернами в три-четыре мили диаметром. Медленно спускаясь, мы пролетели над одной из этих пропастей. Тщетно стремились проникнуть взором на всю ее глубину. Некоторым из нас почудилось какое-то свечение на дне. Однако с уверенностью ничего сказать было нельзя, Джей высказал предположение, что источник свечения – магма. Лично я полагал, что это не так, иначе мы заметили бы значительное возрастание температуры, пролетая над горлом кратера.

На этой высоте мы сделали интересное открытие. На Луне была атмосфера. Высота слоя была небольшой, однако наш барометр зарегистрировал ее на высоте примерно в пятьсот футов над самым высоким пиком, который мы пролетали. Возможно, что в долинах и глубоких ущельях, где произрастала растительность, ее плотность выше. Но я этого не знаю, поскольку мы никогда не садились на Луне. Неожиданно мы заметили, что наш корабль начал спускаться по спирали, двигаясь параллельно кромке огромного вулканического кратера, над которым находились. Я немедленно отдал приказ об изменении курса. Если бы мы двигались по прежнему, то вскоре бы оказались ниже верхней кромки кратера, и поскольку мы не могли взлететь, то оказались бы навсегда погребенными в его жерле.

Мой план состоял в том, чтобы пролететь на равнину и совершить посадку среди растений, которые мы наблюдали и которые росли в ошеломляющем количестве и с огромной скоростью под нами. Однако когда Вест (он в то время дежурил) попытался изменить курс, оказалось что наш корабль не поддается управлению. вместо этого он продолжал двигаться по спирали вдоль жерла вулкана. В это время мы находились на высоте не более пятисот футов над кратером и постепенно, хотя и медленно, продолжали снижаться. Вест посмотрел на нас, улыбнулся и покачал головой.

– Бесплезно, сэр, – сказал он, обращаясь ко мне. – Все кончено, сэр, не будет даже вскрика. Кажется мы попали, если можно так сказать, в лунный водоворот. Легко заметить, что наши круги все время уменьшаются.

– Однако наша скорость не увеличивается, – заметил я, – как было бы, если бы мы приближались к стволу настоящего водоворота.

– Я думаю, что смогу объяснить это, сэр, – сказал Нортон. – Просто это происходит благодаря Восьмому Лунному лучу, который еще остался в переднем плавательном баке. Его действие заключается в том, что он отталкивается от Луны. В нашем случае он реагирует на тепло этого огромного кратера. Поскольку каждый участок поверхности отталкивает нас, мы движемся по уменьшающимся окружностям, так как чем ближе к вулкану, тем сильнее действие Восьмого лунного луча. Если моя теория верна, то наши круги перестанут уменьшаться, как только мы опустимся ниже кромки кратера.

– Я думаю, вы правы, Нортон, – согласился я с ним. – Во всяком случае, это более приемлемая гипотеза, чем та, что мы втянуты в водоворот. По-моему, здесь едва ли хватит для этого атмосферы.

По мере нашего снижения правильность догадки Нортона становилась все очевиднее. Когда мы оказались ниже кромки кратера, диаметр кругов стал постоянным, хотя немного возросла скорость. Однако через некоторое время и она стала постоянной. Теперь мы опускались со скоростью десять миль в час. Барометр регистрировал возрастание атмосферного давления, правда еще мизерного по сравнению с тем, какое поддерживало жизнь на Земле. Температура

возрастала, но еще не опасно. От минус 24—30 градусов в момент, когда мы попали в тень жерла кратера, она постепенно поднялась до нуля градусов на глубине примерно в сто двадцать пять миль от вершины гигантского вулкана, поглотившего нас.

Следующие десять миль скорость спуска была замедлена, пока мы с удивлением не обнаружили, что не только перестали падать, но вообще поднимаемся. Мы поднялись примерно на восемь миль и внезапно стали падать. Мы снова опустились, но теперь на шесть миль, снова изменили направление движения и поднялись примерно мили на четыре. Это пилообразное движение продолжалось до тех пор, пока наш корабль не застыл, по нашим оценкам, на глубине ста тридцати миль от вершины вулкана. Нас окружала полнейшая темнота. Мы могли судить только по инструментам, что происходит с кораблем. Внутри, конечно, все было иллюминировано и тепло.

То под собой, то над собой, поскольку корабль переворачивался каждый раз, когда проходил точку, где наконец остановился, мы видели то свечение, которое впервые заметил Нортон, когда мы находились еще над жерлом кратера. Каждый из нас думал над этим явлением, и Нортон, наконец не выдержал.

– Извините, сэр, – почтительно обратился он ко мне. – Не могли бы вы сообщить нам, что вы об этом думаете. Каковы ваши предположения относительно того, где мы находимся, почему мы свободно висим сейчас в воздухе и почему корабль каждый раз переворачивался, когда подходил к этому месту?

– Единственное, что я по этому поводу могу сказать – это довольно сомнительная гипотеза, что Луна – полая сфера с твердым покрытием, толщина которого составляет около 250 миль. Гравитация не дает нам подняться выше, в то время как центробежная сила не дает нам спуститься ниже.

Все согласно кивнули. Они были вынуждены прийти к этой же странной идее, поскольку больше ничто не объясняло ту необычную ситуацию, в которой мы очутились. Нортон пересек комнату, чтобы посмотреть на барометр, на показания которого он до этого не обращал внимания, пока корабль совершал свои прыжки глубоко в недрах Луны. Я увидел, как он удивленно поднял брови. Он еще раз посмотрел на прибор, как если бы сомневался в том, что увидел. Затем повернулся к нам:

– Наверно, испорчен инструмент, сэр. Он показывает такое давление, как и на поверхности Земли!

Я тоже подошел к прибору. Он действительно показывал давление, которое прочел Нортон. И вряд ли прибор был неисправен...

– Можно проверить, так ли это, – предложил я. – Мы можем выключить изолирующий генератор и на мгновение открыть воздушный вентиль.

Конечно, это была до некоторой степени рискованная ситуация. Но Вест стоял у генератора, Джей следил за вентилем, а Нортон стоял у насоса, я был уверен в максимуме безопасности, даже если бы снаружи не было бы вообще никакой атмосферы. Единственная опасность таилась в том, что нас окружал ядовитый газ, находящийся под таким давлением. Однако в такой ситуации в которой мы оказались, мы мало заботились о своей безопасности. Мы понимали, что вне зависимости от того, что с нами произойдет, это мало изменит в исходе, который ожидает нашу экспедицию.

Я могу вам сказать, что это был довольно напряженный момент, когда все заняли свои места и ждали моей команды. Если мы действительно обнаружим атмосферу в недрах Луны, то что еще нас ожидало? Если тут была атмосфера, то наш корабль мог летать, а мы, по крайней мере, смогли бы выйти на палубу и подышать свежим воздухом. Было условлено, что по моей команде Вест отключит генератор, Джей откроет вентиль, а Нортон включит насос. Если сквозь трубу не пойдет свежий воздух, то Джей должен был подать сигнал, по которому Нортон переключит насос, Вест включит генератор, а сам Джей должен мгновенно перекрыть вентиль.

Поскольку Джей подвергался большей опасности, чем другие, я встал около него и наклонился, как можно ниже к вентилю, как и он. Затем я скомандовал. Все сработало превосходно – мгновение и в «Барсум» хлынул холодный воздух. Вест и Нортон следили за происходящим по нашим лицам и почти одновременно с нами поняли, что эксперимент удался; мы все расплылись в улыбках, хотя почему мы так обрадовались, я не могу сказать. Возможно, дело было в том, что мы внезапно обнаружили условия, похожие на земные. И хотя мы больше никогда не увидим свою планету, мы могли, по крайней мере, дышать воздухом похожим на ее атмосферу.

Я отдал приказ включить моторы, и вот мы уже двигались по большой спирали вглубь Луны. Мы передвигались очень медленно. Чем корабль опускался глубже, тем выше поднималась температура, а барометр показывал слабое возрастание атмосферного давления. Свечение, которое теперь окружало нас, становилось все интенсивнее по мере спуска, пока, наконец, окружающий нас воздух, в которой мы двигались, не засиял ярким светом.

Все это время Ортис находился в кандалах в своей каюте. Я отдал приказ, чтобы его снабжали водой и пищей, но ни в коем случае не разговаривали с ним. Нортон поселился в моей каюте. Ортис, пьяница, предатель и потенциальный убийца, чтобы там ни было, не вызывал во мне никакой симпатии. Я намеревался судить его и совсем не собирался провести оставшиеся мне годы вместе с ним на корабле. Я понимал, что приговор любого суда, будь то назначенный Генералом юстиции флота или составленный из оставшихся членов «Барсума», будет единственным, и приговор этот – смерть. Однако, я пока оставил это дело, так как нам пришлось заняться более насущными делами, и он пока еще существовал, хотя и не разделял с нами наших надежд, ни страха, ни радости.

Прошло примерно двадцать шесть часов после того, как мы погрузились в кратер вулкана и вынырнули из него с другой стороны, и перед нами открылся вид, который был настолько прекраснее и фантастичнее того, что мы видели на поверхности Луны, насколько тот был необычен по сравнению с Землей.

Мягкий рассеянный свет при нашем едва заметном движении открывал нам горы, долины и море. И, наконец, мы начали различать отдельные детали окружающего пейзажа. Горы были такими же неровными, как и на поверхности, и выглядели не менее высокими. Однако их вершины были покрыты растительностью. По крайней мере, это касалось тех вершин, которые находились в поле нашего зрения. И были леса – тоже очень странные леса, в которых росли странные деревья, такие неземные, будто всю эту таинственную фантазмагорию породил чудовищный сон.

Мы не поднялись и на пятьсот футов над расщелиной, через которую проникли из внешнего мира, когда я обнаружил прекрасное место для посадки и решил спускаться. Это было с готовностью исполнено, и мы совершили мягкую посадку возле большого леса, вблизи небольшой речки. Затем мы открыли передний люк и вступили на палубу «Барсума» – первые люди Земли, которые дышали воздухом Луны. Согласно земному календарю это случилось в 11 часов утра 8 января 2025 года.

Я думаю, что первое, что нас заинтересовало и привлекло наше внимание, было то странное и к тому же необъяснимое для нас свечение, наполнявшее внутренность Луны. Над нами висели гряды пушистых облаков, которые, казалось, освещались снизу, хотя в просветах и виднелся люминесцирующий небесный свод. И ничто не указывало на излучающее тело, как наше Солнце, дающее и свет и тепло и огненную сферу. Сами облака не отбрасывали никакой тени на почву. Не давали фактически никакой тени ни деревья, растущие поблизости, ни наш корабль.

Тени были легки и ясны, их очертания были смазаны и они растворялись в ничто. Тени от нас на палубе «Барсума» были не ярче, чем на Земле в пасмурный день. Этот странный лунный свет очень интересовал нас, однако прошло время, пока мы поняли его происхождение. У него было два источника различных по природе. Основным источником служил радий, входивший тут в состав песка, а также содержащийся в скалах, которые образовывали высо-

чайшие горные хребты. Радий был распределен таким образом, что постоянно излучал мягкий свет, который наполнял внутренность Луны. Вторым источником света служило Солнце. Солнечные лучи проникали вглубь Луны сквозь сотни, тысячи огромных кратеров. Именно Солнце несло тепло внутреннему миру. Благодаря ему там держалась постоянная температура примерно восемьдесят градусов по Фаренгейту.

Центробежная сила в сочетании с гравитацией Луны свела внутреннюю лунную атмосферу до тонкой оболочки, по нашим оценкам, около 50 миль в толщину. Эта атмосфера быстро редела при подъеме на высокие пики. Результатом же этого было то, что они были покрыты вечными снегами и льдом, которые срывались лавинами по ущельям вниз к морю. Видимо, именно эти условия спасли атмосферу, которая была в постоянном контакте с почти твердой сферой, от перегрева в течение всего того необозримого времени, когда возникли подобные условия.

Времена года на Луне – это слабое подобие земных, всего только несколько градусов составляет отличие зимы от лета. Там, однако, периодически проносятся бури, которые повторяются более или менее регулярно один раз в течение звездного месяца. Они возникают, как мне представляется, в результате несимметричного распределения кратеров на поверхности. Это приводит к неравномерности поглощения тепла как по времени, так и по областям. Естественная циркуляция лунной атмосферы, на которую влияет изменяющийся по интенсивности и направлению поток солнечных лучей, а также большой перепад температур от долин до снежных пиков часто приводит к бурям той или иной силы.

Сильные ветры сопровождаются обильными дождями на низких высотах и слепящими снежными бурями, бушующими на голых вершинах, расположенных выше растительного пояса. Дожди, которые выпадают из низких облаков, приятны и теплы. Те же, которые извергаются из высоких облаков – холодны и пронизывающи. Однако, как бы ни была жестока буря, сколь бы она не длилась – освещение остается практически неизменным. На Луне нет пасмурных и темных дней. нет там и ночи!

3. Животные или люди?

Конечно, мы пришли ко всему этому не сразу, однако я привел все это здесь, как пример, к чему мы пришли в наших исследованиях в результате долгого изучения Луны. В нескольких милях от корабля высились холмы, которые причудливо громоздясь, тянулись к заоблачным высотам и возносились дальше, и когда мы смотрели на них и на лес, что-то чудилось нам во всем этом странным, чему мы поначалу не могли даже найти определения. Как оказалось впоследствии, странность порождало отсутствие горизонта. Дальность видения полностью зависела от остроты зрения. Общий эффект – как если бы вы находились на дне гигантского шара, радиус которого настолько велик, что не видно вершины.

Все вокруг нас было покрыто буйной растительностью. В основном преобладали бледные тона – фиолетовые, розовые, желтые. Росла в изобилии розовая трава, стебли большинства цветущих растений тоже были в большинстве окрашены в этот необычный цвет. Сами цветы имели необычайно сложную форму, бледных и деликатных тонов, огромные размеры и редкую красоту. Тут были кустарники, на которых росли плоды, похожие на ягоды. На многих деревьях в лесу росли плоды значительных размеров и разнообразной формы и расцветки. Джей и Нортон рассуждали о съедобности этих плодов. Однако я отдал приказание никому не пробовать их, пока нам не представится возможность или путем анализа или еще как выяснить, какие же плоды не ядовиты.

«Барсум» имел на борту небольшую оборудованную лабораторию, которая предназначалась для исследования растительных и минеральных продуктов Марса в соответствии с земными стандартами. Она была также предназначена и для других исследовательских целей на нашей планете-сестре. Поскольку у нас были достаточные запасы еды на пятнадцать лет, то не было необходимости есть лунные плоды. Однако я был кровно заинтересован в немедленном выяснении химического состава воды, поскольку производство ее было очень сложно, медленно и дорогостояще. Поэтому я приказал Весту взять пробу воды из реки и подвергнуть ее лабораторному анализу. Других отправил спать.

Они, конечно, все горели желанием пуститься немедленно в путешествие, и я не мог осуждать их за это, но мы уже не спали более сорока восьми часов, и я считал необходимым восстановить силы. Было не ясно, что подстерегает нас в этом неизвестном мире. Здесь была вода, воздух и растительность – три основы, необходимые для животной жизни, и я решил, что будет только разумно предположить – внутри Луны существует животная жизнь.

Если она существует, то не исключена возможность появления необычайно агрессивных видов. Самозащита от них могла потребовать всех наших сил. И поэтому я настоял на том, чтобы каждый получил полную порцию сна перед тем, как отправиться в поход, лишившись защиты корабля.

Мы уже обнаружили представителей низших видов: рептилий и насекомых, или, как будет лучше назвать последних, летающих рептилий, как это выяснилось впоследствии. Эти создания походили на лягушек с крыльями летучей мыши. Они проносились над деревьями, издавая жалобные звуки. На почве около корабля мы заметили единственное живое существо, хотя беспрестанно колышущаяся трава говорила о том, что жизнь здесь кипит ключом. Это существо, которое мы все рассмотрели достаточно подробно, лучше всего представить себе, вообразив пятифутовую змею с четырьмя лягушачьими лапами и плоской головой с единственным глазом на лбу. Ноги у этого создания были очень короткие, и поэтому оно передвигалось, извиваясь как настоящая змея, и при этом скребла землю всеми четырьмя лапами. Мы видели, как оно подползло к реке и, нырнув, скрылось из виду.

– Удивительно жалкое создание, – проговорил Джей, – и чертовски неземное.

– Я не склонен так думать, – не согласился я. – Во всяком случае, у него нет ничего такого, чего бы мы не видели на Земле. Возможно, это просто слегка измененная земная копия, и если принять это, все остальное ничего нового для нас не представляет, даже то, что эти существа – амфибии. А эти летающие лягушки, или как их там? Что в них особенного? У нас на Земле тоже полно странных созданий. Они, конечно, не точная копия этих, однако и на Марсе тоже существуют свои особенные виды растительного и животного мира, и они не также уж невозможны на Земле. На Марсе кроме этого, есть разумные существа, которые практически ничем не отличаются от нас. Вы улавливаете мою мысль?

– Да, сэр, – ответил Джей. – Вы предполагаете, что существуют разумные существа и здесь внутри Луны.

– Да, я несколько бы не удивился, если бы мы обнаружили здесь разумную жизнь. А я также бы не удивился, если бы разумное существо было бы необычным по виду. Единственное, что бы меня удивило, так это отсутствие здесь нечто подобного человеческому роду на Земле.

– То есть некой высшей расы с хорошо развитыми умственными способностями? – спросил Нортон.

– Да, и именно потому мы должны хорошенько выспаться, чтобы быть готовыми ко всему. Мы ведь не знаем где обитают эти создания и какой прием они нам окажут. Итак, мистер Нортон, вы берете контейнер и набираете воды из реки. Затем Джей заступает на вахту и проводит анализ, а мы все отправляемся спать.

Нортон спустился вниз и вернулся со стеклянным бачком, в котором собирался принести воду. Мы все приготовили оружие на случай опасности и выстроились у входа. До сих пор мы почти не ходили, если не считать нашего выхода на палубу при прилунении. Еще раньше я заметил немного странное уменьшение плавучести, однако, поскольку мне пришлось заняться более насущными делами, я не придавал этому факту значения. Как только Нортон достиг основания лестницы и вступил на лунную поверхность, я приказал ему поторопиться.

Прямо перед ним рос низкий куст, а за ним, примерно в тридцати футах протекала река. Услышав мой приказ, Нортон решил сократить путь и решился перепрыгнуть куст. Ко всеобщему изумлению, как нашему, так и его собственному, он взмыл в воздух на восемнадцать футов, пролетел более тридцати пяти и плюхнулся в реку.

– Скорее! – крикнул я и, надеясь, что и остальные тоже поспешат на выручку товарища, ринулся вниз по лестнице. Я был чересчур энергичен. Я так и не смог воспользоваться лестницей: я пролетел над ней, пронесся над поверхностью и исчез в холодных волнах лунной речки. Как глубоко там было, я не знаю, по крайней мере, я ушел с головой. Я попал в вязкий и достаточно сильный поток; вода двигалась так, словно это было густое масло. Когда я вынырнул на поверхность, то увидел Нортон, который энергично плыл к берегу. Буквально через минуту недалеко от меня вынырнул Джей. Я поискал глазами Веста и сразу же нашел его – он по-прежнему стоял на палубе «Барсума», где, кстати ему и положено было находиться, потому что он в данный момент нес вахту.

Как только я понял, что мои товарищи в безопасности, я не мог сдержать улыбки, а Джей и Нортон разразились смехом. Мы еще продолжали смеяться и тогда, когда уже вырвались из потока немного ниже места нашей стоянки.

– Ну как, взяли пробу, Нортон? – спросил я.

– Контейнер до сих пор у меня, сэр.

И действительно он судорожно сжимал его все это время, так же как и мы с Джейм судорожно сжимали рукоятки своих пистолетов. Нортон снял крышку и погрузил бачок в воду. Затем он повернулся ко мне и улыбнулся.

– Я думаю, сэр, мы обошли мистера Веста. Эта вода выглядит вполне прилично. Когда я рухнул в нее, то от удивления проглотил, по крайней мере, целую квартиру.

– Я сам ее попробовал, – сказал я. – Что касается нас троих, я не думаю, что нас очень интересует анализ, произведенный мистером Вестом, если он обнаружит в ней отраву. Однако для его собственной безопасности, мы все же дадим ему возможность провести исследование.

– Странно – заметил Джей, – что никто из нас не вспомнил о таком очевидном факте, как уменьшение силы тяжести на Луне. Мы обсуждали подобный вопрос и как вести себя в той или иной ситуации, а на деле и не вспомнили об этом.

– Я радуюсь только тому, – заметил Джей, – что не пытался перепрыгнуть реку. Наверное, я все еще летел бы, а приземлился бы где нибудь на вершине.

У корабля нас встретил необычайно серьезный и обеспокоенный Вест, но когда он увидел нас смеющимися, то присоединился к нам. Когда мы поднялись на палубу, он сказал, что никогда в жизни не видел более удивительного и забавного зрелища.

После того, как мы спустились вниз и надежно задраили люк, трое из нас отправились спать, а Вест с образцами лунной воды отправился в лабораторию. Я очень устал и проспал целых десять часов, наверное, поскольку, когда я встал, Нортон уже наполовину отстоял свою вахту.

Единственная запись, появившаяся в судовом журнале, была сделана Вестом относительно результата анализа воды. Вода не только оказалась совершенно безвредной, но и необыкновенно чистой с удивительно низким содержанием солей.

Примерно полтора часа спустя после того, как я встал, ко мне зашел Вест и сообщил, что Ортис просит разрешения поговорить со мной. Я был решительно настроен предать его суду и привести приговор в исполнение немедленно. Однако, все это было тогда, когда наше положение казалось безнадежным – и все это по его вине. Сейчас же под ногами лежала обитаемая земля, и ее природные условия почти не отличались от земных. Будущее представлялось уж не в таком мрачном свете. Все это привело к тому, что я почувствовал колебание относительно наказания Ортиса. Без сомнения, что он заслужил смерть, но когда люди видят смерть так близко и спасаются, по крайней мере временно, я думаю, они начинают смотреть на жизнь, как на нечто сокровенное, и менее склонны отбирать ее у других. Так ли это или нет, во всяком случае, когда я послал за Ортисом, чтобы принять его по его просьбе, то встретил его уже будучи не тем непреклонным и бескомпромиссным судьей, как двадцать четыре часа тому назад. Когда его привели ко мне, я спросил его, что он хочет сказать. Он уже полностью протрезвел и держался с достоинством, хотя и с нотками вызова.

– Я не знаю, что произошло с тех пор, как меня заковали, так как вы отдали приказ никому со мной не разговаривать и не отвечать на мои вопросы. И все же, я конечно почувствовал, что корабль приземлился, что чистый воздух наполнил его. Я слышал, как открывают верхний люк на палубе. Исходя из времени, которое прошло с моего ареста, я понимаю, что единственная планета, на которую мы могли сесть – это Луна. Таким образом, я догадываюсь, что мы находимся на поверхности Луны. У меня было достаточно времени, чтобы осмыслить свои поступки. То, что я был пьян, вряд ли служит оправданием, и все же это единственное оправдание, которое я могу предложить. Я прошу вас, сэр, принять мои искренние раскаяния за те непростительные действия, которые я совершил. Я прошу вас сохранить мне жизнь, чтобы я попытался исправить свои ошибки. К тому же здесь, на поверхности Луны, нашей маленькой общине может очень не хватать лишнего человека. Я отдаю себя на ваш суд, сэр, но умоляю разрешить мне еще одну попытку исправления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.